

С. ЛЕМЕШЕВ · ПУТЬ К ИСКУССТВУ

... Работа над записями довольно трудна и малоблагодарна, потому что далеко не всегда получается ожидаемый результат, хотя эта форма музыкальной пропаганды сейчас приобрела большой размах и перспективы ее развития безграничны! Материальный эффект выпуск грампластинок дает большой, поэтому я так и не могу понять, почему нельзя обеспечить хорошее качество подготовки записи. Те традиции, которые установились, оставляют желать много лучшего. Почему уделяется такое крохотное количество репетиций записям, которым предстоит жить столько лет? Дирижер и оркестр при записи озабочены лишь одним — как-нибудь вместе сыграть, как говорится, «свести концы с концами». Тут уж не до тонкостей художественной интерпретации! А ведь недостаток репетиций влечет за собой и частые остановки во время записи. Как это может не нарушить творческого настроения, не вызвать досаду!.. Если же учесть, что приходится иной раз петь со случайными партнерами, то должно стать понятным: вдохновению родиться трудно. Певец поневоле обеспокоен только тем, чтобы хоть сносно прозвучать... Поэтому я довольно редко получаю удовольствие от этой работы, и дома, чтобы не расстраиваться, почти не слушаю своих записей. А ведь какое замечательное изобретение человеческого разума — этот небольшой черный кружок, который сохраняет мысль и голос певца для многих новых поколений людей! Казалось бы, исполнителям только радоваться и радоваться, а в результате получаем больше огорчений.

Существует в грамзаписи еще одна «традиция», которая вызывает особенно резкие возражения. Это вмешательство тонмейстера в замыслы исполнителя. Регулируя звук, его динамику, он нередко по своему вкусу, часто необоснованному, прибавляет силу голоса или, наоборот, «убирает» его звучание. И получается такая нелепица: в музыке идет нарастание, певец выражает это голосом, стремясь передать волнение, страсть, отчаяние, накапливает силу звучания, а звукооператор одним махом снимает яркость звука на *forte*, и там, где должна быть кульминация чувства, вдруг получается провал! Мы, певцы, годами думаем, работаем над тем, как лучше, рельефнее спеть ту или иную фразу, вырабатывая различные градации *forte* и *piano*,

218

diminuendo и *crescendo*, филировку звука, а звукооператор одним поворотом рычага убивает все чувство и выдает слушателю бледный, искаженный негатив, весьма мало напоминающий то, к чему я стремился, что чувствовал.

Говорю об этом с душевной болью и думаю, что многие исполнители меня поймут и поддержат. Самое главное, что с этим трудно бороться, потому что «творчество» звукорежиссера разворачивается в тот момент, когда с магнитофонной ленты, прослушанной нами и принятой, запись переносится на пластинку. И вот тут он, по существу, бесконтролен.

Могу привести пример из моей практики. В последнем акте «Богемы», когда в мансарде внезапно появляется больная Мими, Рудольф бросается к ней со словами:

— Моя Мими! Вечно, вечно! — голос здесь взлетает на ля второй октавы.

Это моя любимая фраза. Я обычно долго к ней готовился и, если она мне удавалась, ликовал и очень огорчался, если не получалось, как хотел. И вот при записи оперы эта фраза у меня прозвучала удачно; я радовался, что смог верно выразить и запечатлеть для слушателей искреннее волнение своего героя. Каково же было мое огорчение, когда я ничего этого на пластинке не услышал?! При переписи с пленки тонмейстер равнодушно притушил звучание моего голоса (даже не могу понять почему!). Эта фраза должна прозвучать очень порывисто, взволнованно — ведь Рудольф только что страдал, тоскуя по Мими и считая ее навсегда потерянной для себя. И вдруг такая неожиданная радость! А фраза получилась глухой, тусклой, в другом эмоциональном ключе.

Сейчас я с благодарностью вспоминаю то время, когда записи производились на воск и ни один звукооператор не мог что-либо изменить в звучании музыки. И хотя в техническом отношении эти записи были несовершенны, они «в натуре» передавали исполнение и настроение певца. Правда, сейчас, если у певца что-либо не выйдет, то неудачную фразу, слово или даже отдельную ноту можно заменить, переклеить, вставить заново. Поэтому порой случается, что на пластинке совершенной фазисификации я предпочитаю естественное состояние певца, его подлинное вдохновение, даже с присущими ему недостатками. Пусть пластинка запечатлеет подлинный облик исполнителя, а не его «дистиллированного» двойника, вытуженного, подштопанного, но неестественного и потому скучного...

219

Буду надеяться, что к тому времени, как моя книга выйдет из печати, обстановка в Доме звукозаписи переменится, приобретет более творческое содержание, и многие недостатки, о которых я здесь пишу, отойдут в область предания. Запись должна сохранять естественный характер исполнения певца для тех поколений, для которых его искусство останется жить только в небольшом кружке пластмассы.

...

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Детство	5
Юность	21
Консерватория	39
В студии К. С. Станиславского	56
На оперной сцене	78
В Большом театре	122
«Мои университеты»	143
На концертной эстраде	166
Накануне...	197
1941-й...	205
Новые роли	214
Афанасий Иванович	220
Фра-Дьяволо	222
Мысли о режиссуре. «Вертер»	227
Альфред и Ленский	239
Вам, молодые певцы!	255
Е. Грошева. Послесловие	286
Указатель имен, музыкальных произведений, оперных партий	303

Лемешев Сергей Яковлевич

«ПУТЬ К ИСКУССТВУ»

Редакторы И. Кузнецова и Е. Иванова. Оформление художника И. Клейнарда. Художественный редактор Э. Ринчино. Технический редактор Н. Муковозова. Корректоры Г. Троицкая и Н. Шаканова

Сдано в набор 23/1 1967 г. Подп. в печать 27 II 1968 г. Форм. бум. 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 22,67. Уч.-изд. л. 22,91. Тираж 100 000 экз. Изд. № 4480. Зак. № 1318. А01547. Цена 1 р. 75 к. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Москва, Ж-54, Валовая, 28.